

Ирина Флиге

драматургия смыслов

САНДОРМОХ:
драматургия
СМЫСЛОВ

Ирина Флиге

Санкт-Петербург, 2019

ББК 66.3(2Рос)
Ф-72

Флиге И.А.

Ф-72 Сандормох: драматургия смыслов. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 208 с., ил.

ISBN 978-5-446-91564-4

Эта книга рассказывает о том, как многолетний поиск следов «пропавшего этапа» — 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения, вывезенных с островов в октябре 1937 и бесследно пропавших, — привел к открытию крупнейшего на Северо-Западе России захоронения расстрелянных жертв Большого террора 1937–1938. Но история этим не завершилась, а только началась: вокруг созданного здесь мемориального кладбища завязался тугой узел «коллизий памяти» — явных и неявных столкновений разных концепций осмысления советского прошлого. Книга выстроена как «интеллектуальное приключение» и написана на стыке нескольких жанров: читатель найдет в ней элементы исторического исследования, культурологического анализа, мемуарного повествования и публицистики.

ISBN 978-5-446-91564-4

© И.А. Флиге, 2019

© О.Р. Николаев, предисловие, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

О. Николаев

Место памяти: герменевтика и драматургия (предисловие)	5
От автора	11
Акт первый. Потаенная память	14
Тайна приговора, казни, захоронения...	14
«...и человек исчезал навсегда»	17
Четыре смерти Евгении Мустанговой	20
Акт второй. Имя — дата — место	23
«Где могилы наших отцов?»	23
Память Карелии: архивные находки Чухина	24
Память Карелии: поиск захоронений	28
Память Соловков: сообщество помнящих	31
Обретение протоколов	35
Операция по разгрузке Соловецкой тюрьмы: реконструкция-2018	37
От списка к биографиям	46
Следы декабрьского и февральского расстрелов	50
Поиски «пропавшего этапа»: начало	52
Дело капитана Матвеева	54
Акт третий. Материализация памяти. Сандормох	65
«...таким местом действительно может быть карьер в районе 16-го км»	65
1 июля 1997 года: захоронению было дано имя — Сандормох	70
«...в целях увековечения...»	73
Открытие мемориального комплекса	76
«...Люди могут побеждать, но для этого нужно найти пропавший этап»	80

Акт четвертый. Мемориальное кладбище «Сандормох»: сценарии и коллизии.	81
Жизнь места памяти	81
Этноконфессиональные знаки памяти: хроника установки	87
Феномен безымянности	93
Коллизии украинской памяти	94
«Люди, не убивайте друг друга»	102
Странный памятник со странной судьбой...	104
5 августа — Международный День памяти:	
траурные церемонии и поминальные обходы	107
Мемориальное пространство Сандормоха:	
посещения, дополнения, обновления	112
Образ Сандормоха: промежуточные итоги	114
Акт пятый. Память о жертвах террора как форма сопротивления.	116
Сандормох после Крыма и Донбасса	116
Новые смысловые коллизии	118
«Кто именно был расстрелян и кем — вопрос пока открытый»	123
Сандормох — место политического и гражданского сопротивления	128
Фотоальбом.	133

Место памяти: герменевтика и драматургия (предисловие)

Книга Ирины Флиге, несомненно, уникальна среди работ, посвященных сталинским репрессиям.

Во-первых, объектом исследования становится не история репрессий как таковых, а феномен «места памяти» как живого социокультурного явления, «внутренняя драматургия которого наполнена напряженными диалогами, спорами и конфликтами культурной памяти и истории». То, что обычно является конечной целью традиционного исследования, посвященное Большому террору, — выявление имен расстрелянных, восстановление их биографий, поиск места расстрела и места захоронения — для Флиге веха в биографии «места памяти». Собственно, и сами архивные и экспедиционные изыскания являются фактически формами памяти. Автор не только подробно описывает, как возникло «место памяти» Сандормох, но не менее подробно анализирует, как «место памяти» обретает собственную память — «память места».

Во-вторых, фактически только в этой книге (как и в других работах Флиге) подробно описывается и анализируется жизнь «места памяти»: обустройство, установка памятников, их концепты, воплощающиеся в художественном образе, архитектурной композиции, текстах, и их «биографии», проведение церемоний и возникшие поминальные практики. Автор применяет здесь метод антропологической герменевтики памяти, выявляя и комментируя драматические перипетии, связанные «с поисками смыслов, привязанных к этому месту». Важно, что эта герменевтика основана на включенном наблюдении: Ирина Флиге не только автор книги о Сандормохе — она и одно из главных действующих лиц этой «истории=драмы».

В-третьих, книга Ирины Флиге является методологически значимой для подобных исследований феномена памяти

XX столетия. Феномен рассматривается в исторической протяженности, в осложнениях и трансформациях. Фактически Флиге создана «историческая модель» форм памяти о событиях советской истории: формулы-мифологемы («тридцать седьмой», «десять лет без права переписки» и др.), порожденные «триадой беспамятства» эпохи Большого террора (тайна приговора, тайна казни, тайна захоронения) — поисковые формы памяти (архивные изыскания, экспедиции) — возникновение мемориального пространства — «разноголосие» памятей в этом пространстве, порожденное поиском идентичностей, — идеологические вторжения в «место памяти» — память о жертвах террора как форма сопротивления террору... — открытый финал...

Чуть ли не первое, что бросается в глаза при прочтении книги Флиге, — это разноголосица дискурсов. Определить жанровую доминанту оказывается непростой задачей. Впрочем, жанровое противоречие с самого начала заявлено автором — история или драма: «Я попыталась здесь проследить историю Сандормоха как драму места памяти».

В повествовании Флиге огромное количество «чужих» дискурсов. Документы НКВД: приказы, протоколы, акты, справки, телеграммы, предписания... Они приводятся большими фрагментами или даже целиком. «Второй акт» перенасыщен энкавэдэшными бумагами и создает жутковатое ощущение репрессивно-бюрократического уничтожения и человеческой жизни, и памяти о ней.

Воспоминания, письма, устные рассказы... Они свидетельствуют о неуничтоженной памяти.

Выступления на днях памяти, статьи, надписи на памятниках... Это тексты, утверждающие право памяти.

Само авторское повествование тоже неоднородно — оно «раскачивается» от «детективных историй» архивных и экспедиционных поисков до статичных «списков» и «перечислений», от личных воспоминаний и «лирических отступлений» самой Флиге до скрупулезной антропологической герменевтики памятников...

«История=драма» места памяти оказывается «амальгамой» дискурсов и жанров. Мне кажется это симптоматичным: память о государственном терроре в России и не может быть подчинена какому-либо одному началу, она действительно драматична и драматургична.

Но все-таки в книге Флиге есть дискурсивная доминанта. Это дискурс поиска — сначала поиска места, позже поиска смысла. Правда, чтобы найти место, нужно было не только вскрыть захоронения, но и смыслы документов, эти захоронения скрывающие. Поэтому можно сказать, что книга Ирины Флиге подчинена тотальному пафосу объяснения. Именно объяснительная модель является доминантой повествования.

Императив объяснения, выявления смысла заводит автора в стороны, на боковые пути, в, казалось бы, не столь значимые детали, так как надо попытаться и дешифровать документальный дискурс НКВД, и разобраться в этноконфессиональных коллизиях памяти, и дать герменевтический комментарий измененной надписи на памятнике... Вследствие этого повествование, казалось бы, частенько отступает от основной событийной канвы, но это только кажется, так как главная интрига и заключена в логике объяснения, а она отнюдь не проста и не линейна.

Эту жанровую «разноголосицу» Ирина Флиге вставляет в метажанровую «раму» — не только дает название «Драматургия смыслов», но и подчиняет свою книгу драматургической структуре, вводя пять актов и определяя для каждого обстоятельства действия: место, исторический контекст и смысловые доминанты.

Конечно, «драматургия» — это в первую очередь метафора. Но ее развертывание в структуру заставляет всерьез задуматься об аналогиях с драмой. «Пять актов» отсылают к классическому жанру трагедии. Трагическая эпоха репрессий, казалось бы, вполне этому соответствует. Но трагедия как жанр отнюдь не свойственна русской традиции, о чем задумывался еще Пушкин, задавая вопрос: «Отчего же нет у нас н.<ародной> трагедии? Не худо было бы решить, может <ли> она и быть».

Разработанная еще Аристотелем концепция трагической вины, которую принимает на себя не злодей, а обычный чело-

век, и встает на путь ее искупления, явно не прививается на русской почве. А если нет трагической вины, то нет и катарсиса, а соответственно, и необходимого для жанра финального выхода на новый уровень исторического и вообще человеческого существования. «Борис Годунов» фактически оказался пушкинским экспериментом, доказывающим невозможность жанра трагедии в русской литературе. Знаменитая ремарка «Народ безмолвствует» фактически свидетельствует об антикатарсисе и о том, что русская история «ходит по кругу», а не развивается по спирали.

«История=драма» Флиге также разворачивается явно по «годуновской модели». Достаточно выписать «формулы памяти» по всем пяти актам, чтобы увидеть эту «антикатартическую» логику.

Акт первый: «тридцать седьмой», «десять лет без права переписки», «Соловки», «затопленная баржа».

Акт второй: «Где могилы наших отцов?»

Акт третий: помнить вместе, помнить здесь.

Акт четвертый: здесь в общих могилах лежат люди разных национальностей и разных вероисповеданий.

Акт пятый: Гулаг продолжается.

История Сандормоха как места памяти символически концентрирует в себе общую историю памяти о Большом терроре и эпохе сталинских репрессий. Флиге так характеризует «главное свойство памяти о терроре в современном российском массовом сознании»: «...есть трагедия, есть невинные жертвы этой трагедии, — *но преступления нет и преступников тоже нет*». По сути, это и есть память о трагической эпохе вне трагической вины, а соответственно, вне ее искупления и без катарсиса.

Упоминание об иной позиции — например, польской делегации на днях памяти — только подчеркивает антитрагедийную природу российской памяти: «Представительство и участие в церемониях посольств и консульств разных стран мотивировано не столько тем, что здесь лежат их соотечественники и те, кого они считают “своими”, сколько памятью об одной из гуманитарных катастроф XX века и памятью о преступлениях против человечности».

Но в книге Ирины Флиге, на мой взгляд, драматургическая природа присутствует не только в отсылке к жанру трагедии. В «истории» Сандормоха можно увидеть и черты еще одного жанра — героической драмы. Ее герой — сама человеческая память, претерпевающая и государственное «беспамятство», и различия этноконфессиональных идентичностей, и современные идеологические трансформации. Она равна себе как настоящий герой героической драмы и воплощается в своих проводниках, в людях, ее восстанавливающих из забвения, сохраняющих и транслирующих. Они и есть настоящие герои «истории=драмы» Сандормоха, как и самой книги. Среди них родственники расстрелянных, И.И. Чухин, Ю.А. Дмитриев, В.В. Иофе, сама Ирина Флиге, множество их соратников и единомышленников...

В выступлении В.В. Иофе на открытии мемориального кладбища 27 октября 1997 года фактически сформулирован императив этой героической драмы памяти:

«60 лет назад великая мировая держава захотела уничтожить тысячу человек так, чтобы даже памяти о них не оставалось. У нее были все возможности государства, у них — только сила собственной личности. Сегодня мы знаем поименно и всех жертв, и всех приговоривших, и всех исполнителей, и тех, кто возил, и тех, кто стрелял, — всех. Это значит, что эти люди победили, что люди вообще могут побеждать, но для этого нужно одно — найти пропавший этап».

Через двадцать лет, в 2017 году, в День памяти Ирина Флиге переформулирует этот императив — сохранить память о «пропавшем этапе» в ситуации, когда ей угрожает идеологическая опасность:

«А 20 лет назад нам казалось, что Сандормох, это место, эти акции памяти — это черта между прошлым и сегодняшним настоящим. Но сегодня, к сожалению, мы должны признать: память о терроре не стала памятью. <...> Сегодня мы обойдем все памятники, положим цветы ко всем памятникам всех национальностей и всех конфессий, мы расскажем этим людям, которые здесь лежат, что нам удалось сделать за 20 лет и что — пока нет, но мы обязательно это сделаем».

У книги Ирины Флиге открытый финал: «...мы не в состоянии предсказать, каким станет Сандормох в недалеком будущем...» Но законы жанра все-таки существуют. И у памяти как героя героической драмы обязательно будут люди, ее защищающие, транслирующие и объясняющие все, что с нею происходит...

Олег Николаев

От автора

Урочище Сандормох в окрестностях Медвежьегорска (Карелия) — место массовых расстрелов и захоронений в годы Большого террора. Здесь казнены 5130 жителей Карелии, заключенных и трудпоселенцев Белбалтлага; осенью 1937 года здесь же был расстрелян «соловецкий этап» — 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения.

По замыслу палачей, память об этих людях должна была быть вытравлена из народного сознания, сами они забыты, а место захоронения должно было оставаться скрытым навсегда.

Но сегодня мы знаем это место, а тех, кто лежит здесь, можем назвать поименно — это 6241 имя.

Я написала историю Сандормоха как драму, длящуюся более 80 лет. В ее первых двух актах еще нет слова «Сандормох» — оно появляется позже, но совокупность смыслов, привязанных к этой драме, уже начала складываться, и группа (еще не сообщество) «помнящих» уже существует. В третьем и четвертом актах может показаться, что лесное урочище обрело свой окончательный образ. В пятом акте, последнем в моей книжке, но, очевидно, не в реальной жизни, обстоятельства меняются; по сути, он не завершает драму Сандормоха, содержит не развязку, а, быть может, лишь прелюдию к ней. Пьеса еще не окончена.

«Места памяти», согласно трактовке Пьера Нора, это места, на которых складывается память сообщества. «Местами памяти» могут быть и становятся таковыми не только (и не столько) географические точки, но и люди, события, книги, предметы.

Главная функция «мест памяти» (*lieux de mémoire*) — сохранять память групп и сообществ. Они призваны создавать или вмещать в себя представления общества о самом себе и своей истории. Совокупность смыслов, привязанная к месту памяти,

может меняться во времени, обрастать деталями и подробностями, дополняться новыми смыслами. С течением времени может измениться состав и групп, и сообществ «помнящих». Места памяти — это живое социокультурное явление, внутренняя драматургия которого наполнена напряженными диалогами, спорами и конфликтами культурной памяти и истории.

История обретения Сандормоха тесно связана не только с чисткой заключенных Белбалтлага, не только с социально-политической прополкой Карелии, но и с историей Соловецкой тюрьмы особого назначения. А Соловки — это не просто место страданий и гибели, это еще и место борьбы. Борцов было очень немного, но они были. И кто-то (пока тоже немногие) принимает на себя и это наследие — наследие погибших борцов. Поэтому Сандормох — это еще и место солидарности с сегодняшними политическими заключенными. С Юрием Дмитриевым. С Оюбом Титиевым. С десятками и, увы, уже сотнями других.

Сегодня в России нет памяти о государственном терроре советской эпохи, вместо нее у нас — наследование прошлого. Кто-то принимает на себя наследие жертв, кто-то — наследие убийц. И пока дела обстоят так, Сандормох — это не место памяти. Сандормох — это место преступления, оставшегося не только безнаказанным, но и, по сути, неназванным.

Мы отказываемся принимать в наследство «причастие буйвола». Но мы отказываемся принимать и наследие жертв. В Сандормохе мы причащаемся (в точном и прямом смысле слова — становимся причастны) к борьбе за правду. Сандормох — это место борьбы. И только победив в этой борьбе, мы будем вправе назвать его «местом памяти». Не жертв и не героев. А просто мемориальным кладбищем — местом памяти о когда-то убитых здесь людях, наконец нашедших свои имена и свои могилы.

* * *

История Сандормоха — это и моя личная история, длиной в тридцать лет, и началась она во время первых Дней памяти 1989 года на Соловках. Для меня история и память — это не

про ужасы и кошмары прошлого, не про войны и катаклизмы, это про сегодня — про любовь, дружбу, сопереживание и сопонимание. Про ответственность, про интеллектуальную честность и точность в поисках смыслов.

Эта книга написана по мотивам доклада, сделанного в сентябре 2017 в Варшаве, на конференции «Польская операция НКВД». Но мне не удалось бы превратить доклад в книгу без помощи моих друзей и коллег — Андрея Блинушова, Александра Даниэля, Елены Кондрахиной, Татьяны Косиновой, Сергея Кривенко, Льва Крыленкова, Евгении Кулаковой, Светланы Кульчицкой, Ирины Левинской, Татьяны Моргачевой, Олега Николаева, Никиты Охотина, Юлии Середы, Николая Соколова, Александра Ходота; я искренне благодарна им всем за их советы, критику и поддержку.

Ирина Флиге

Акт первый

ПОТАЕННАЯ ПАМЯТЬ

Время действия:	1937–1956–1986
Исторический контекст:	годы террора, годы умалчивания
Интенция памяти:	хранить память о «своих» — убитых, исчезнувших, сгинувших; узнать о судьбе
Формулы памяти:	«тридцать седьмой», «десять лет без права переписки»; «Соловки», «затопленная баржа»

Тайна приговора, казни, захоронения...

Судьбы казненных в ходе так называемых массовых операций НКВД 1937–1938 годов в течение многих десятилетий оставались неизвестными для всех людей, так или иначе связанных с расстрелянными: близких, остававшихся на воле; однодельцев, приговоренных к лагерным срокам; случайных сокамерников в следственных тюрьмах.

Государственной тайной был сам факт расстрела. Вначале родственникам казненных отвечали: «не числится». С 1939 года устно сообщали об «осуждении к 10 годам лишения свободы без права переписки». С осени 1945 года на их запросы стали отвечать, что их муж, сын, брат, отец... умер во время отбывания лагерного срока в 1942 году от туберкулеза, или в 1943 от инсульта, или в 1944 от воспаления легких. Отвечали по большей части тоже устно. Если же родственники настаивали на получении официального документа, им выдавали фальшивые свидетельства о смерти. В 1955 году, в разгар хрущевской реабилитации, эта практика была подтверждена специальным приказом¹.

¹ Директива Председателя КГБ №108 от 24 августа 1955 года «О порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания» // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т.1: Март 1953 — февраль 1956. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С.254–255.

С начала 1960-х годов об осужденных в 1937–1938 «тройками» или «двойками» разрешили сообщать, что они расстреляны, — но лишь в том случае, если в деле не было более ранних запросов, в ответ на которые родственникам были выданы фальшивые справки². Только с конца 1980-х стали официально выдавать документы, содержащие правдивые сведения о судьбе тех, о ком раньше солгали³.

Государственной тайной оставались места казней. По сей день официально не обнародован список расстрельных мест: не опубликованы ни перечень тюрем НКВД, в подвалах которых производились расстрелы, ни даже названия географических пунктов, близ которых находились расстрельные полигоны. Возможно, что ключи от этой тайны почти всюду утеряны и самими расстрельными ведомствами — документы уничтожены или утрачены.

Места захоронений казненных также оставались государственной тайной. Согласно секретному регламенту, в актах о приведении приговора в исполнение место захоронения не фиксировалось.

Где были убиты эти люди? Когда? В каком месте погребены их тела?

Для близких арест еще не был равносителен исчезновению человека. Можно было выстоять очередь в приемной НКВД и попытаться навести справки об арестованном. Можно было разыскать его в одной из следственных тюрем, отнести передачу. Но однажды передачу не приняли — «у нас такой не числится»,

² Постановление Президиума ЦК КПСС от 15 февраля 1963 года (утверждена докладная Председателя КГБ №3265с от 26 декабря 1962 года) // Реабилитация: как это было. В 3 т. Т.2: Февраль 1956 — начало 80-х годов. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С.417–419. На основе постановления — указание КГБ №20сс от 21 февраля 1963 года.

³ Записка Председателя КГБ «О порядке разрешения заявлений граждан о судьбе лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов» от 4 июля 1988 года // Реабилитация: как это было. В 3 т. Т.3: Середина 80-х годов. М.: Международный фонд «Демократия», 2004. С.82–84; Записка М.С. Соломенцева в ЦК КПСС «О порядке разрешения заявлений граждан о судьбе лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов» от 22 августа 1988 (утверждена членами Политбюро 12 сентября 1988) // Там же. С. 117.

а потом сообщили: «Десять лет без права переписки». И хотя эта лживая формула позволяла многим питать в течение ряда лет какие-то надежды, с этого момента человек исчезал для близких. И это исчезновение было подобно смерти, но смерти неведомой: без даты, без места, без тела, без похорон, без могилы.

Тайна приговора, тайна убийства, тайна могилы — все это способствовало и продолжает способствовать возникновению самых невероятных легенд и слухов вокруг обстоятельств казней и захоронений.

Для семей расстрелянных жителей Карелии, как и для большинства семей расстрелянных по всем регионам СССР в годы Большого террора, память о гибели родных и близких, представление об их неизвестной могиле оставались сугубо семейным, часто — исключительно индивидуальным знанием. «Местами памяти» для них становились случайные домашние предметы, ставшие реликвиями, старые фотографии и казенные справки. Эта память сохранялась в семьях, хотя ее не всегда передавали детям и внукам, а при посторонних обходили молчанием⁴.

Но даже в молчании, в тайной памяти шепотом эта память имела свое место и имела свою группу помнящих, пусть разобщенную, пусть состоящую из людей, не знакомых друг с другом, но обладающих общими формульными кодами: «37-й», «десять лет без права переписки».

⁴ В некоторых случаях память, конечно, сохранялась не только в семьях; в профессиональных, религиозных сообществах, в некоторых национальных движениях передавалась память о «своих», память о своей национальной элите. В рамках нашей темы это замечание особенно применимо ко многим расстрелянным из «соловецких списков», где было немало представителей этих элит: чувашская интеллигенция всегда помнила об основоположнике своей национальной литературы Куземае Герде (К.П. Чайникове), украинская интеллигенция — о театральном режиссере Лесе Курбасе, литературоведах Миколе Зерове и Антоне Крушельницком, гидрологи и метеорологи — об основателе советской гидрометслужбы Алексее Вангенгейме, католики — о прелате Петре Вейгеле и так далее.

«...и человек исчезал навсегда»

Иначе обстояло дело с родными и близкими расстрелянных соловецких заключенных. Их место памяти было сформировано не 37-м годом и не исчезновением вскоре после ареста. Родные и близкие соловецких заключенных постоянно находились на связи с ними: носили передачи в тюрьму, знали о приговоре, сроке, писали и получали письма, отправляли посылки, некоторые ездили на свидания. Строили планы на будущее, на после освобождения — где жить, кем работать.

«Быть может и приведется мне к 1938 году вернуться домой. Пока трудоспособность у меня сохранена, как и умственные способности, и при праве моем на труд, принадлежащем всем советским гражданам, я не сяду никоим образом на твои хлеба. Всю жизнь я жил самостоятельно, так ее и кончу. Конечно, все это пока мечты...»⁵

«Хочу надеяться, что через несколько лет (а это очень много в смысле легкости ожидания для Папы!) необходимость в ваших зарабатываниях для себя и блудных детей отпадет <...> поехал бы даже в Колыму с удовольствием на заработки, там, говорят, нужны люди не только с физической силой, а зарабатывают заключенные что-то очень много. Видите, какие блестящие мечты лелеет человек, заканчивающий восьмой год сиденья!»⁶

«Интересно, сколько еще времени я буду называться заключенным? Я так привык к этому положению, что просто буду чувствовать [себя] до боли непривычно в новом положении, хотя бы и ссыльного, что иногда хуже лагерной жизни. Думаю, осталось сидеть не больше 1–1 ½ года»⁷.

Переписка оборвалась летом 1937 года. Родные гадали, в чем причина: ужесточение режима, перевод в другой лагерь?

⁵ Письмо А.В. Бобрищева-Пушкина к жене с Соловков. Б/д. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

⁶ Письмо Г.Д. Марченко домой. 07.08.36. (Копия). Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

⁷ Письмо Г.Д. Марченко домой. 17.04.37. (Копия). Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Писали запросы, искали по разным лагерям и тюрьмам — не получали ответов или получали лаконичное: «не числится». С годами неизвестность превратилась в уверенность в их гибели. Но где и как? Они ничего не знали не только о расстреле своих близких, но даже об их отправке с островов. Позже стали доходить слухи о затопленной барже, а от вернувшихся с Соловков стало известно об отправке оттуда больших этапов осенью 1937 года. Устойчивый миф об умышленном затоплении баржи с заключенными как простым и быстрым способе убийства ненужных советской власти людей, бытовал на всем пространстве Гулага: это и Финский залив 1918 года⁸, и Енисей начала 1930-х⁹... Но история про баржу с заключенными, затопленную в Белом море, получила наиболее широкое хождение.

Местом смерти — и местом памяти — для них стали «Соловки» («остров смерти») и «баржа». Эти коды не изменились и тогда, когда жены и дети стали получать справки о посмертной реабилитации и фальшивые свидетельства о смерти; более того, они продолжают бытовать и в современном обществе.

В соловецкой мемуаристике сохранились свидетельства о бесследном исчезновении более тысячи заключенных. Впрочем, наряду со сведениями об отправке этапов, бывшие заключенные рассказывали и о расстрелах под Секиркой, и о потопленной барже.

«На проверке зачитали огромный список — несколько сотен фамилий — отправляемых в этап. Срок подготовки — два часа. Сбор на этой же площади. Началась ужасная суета. Одни бежали укладывать вещи, другие — прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этапирруемых уже стояла с вещами. В это время из изоляторов вышли колонны заключенных с чемоданами и рюкзаками, которые направлялись не к Никольским воротам, где была проходная, а к Святым воротам,

⁸ Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП «PUICO» P.S., 1990. С.62.

⁹ Феррапонтов А. Судьбы их неизвестны // Городские новости (Красноярск). 25.08.1998; Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. С.163.

которые выводили на берег бухты Благополучия. <...> Мелькали вперемешку знакомые и незнакомые лица. <...> А ряды все шли. Более тысячи заключенных было вывезено из Соловков в этот пасмурный октябрьский вечер. Это был уже второй этап из Соловков, названный “большим” <...>. После трех этапов кремль совсем опустел. <...> Все ждали: будет четвертый этап или нет. Прошел страшный слух, будто второй этап был утоплен в море»¹⁰.

«В 1937 году, глухим соловецким вечером, по всем камерам бегали конвоиры и кричали: “Такой-то с вещами”. Каждый наспех хватал свой “одр” и, поцеловавшись с приятелем, следовал за конвоиром. Всех собирали возле северных ворот соловецкого Кремля. Далее вели к пустым баракам сельхоза, где проводился предварительный досмотр заключенных (в порту был еще предпоследний, а последний на материке “Морсплаве”). <...> На “Морсплаве” группу, с которой отплыл Зеров, еще раз обыскали, отобрали личные, не лагерные вещи, одели всех только в лагерную одежду, обрезали пуговицы и забрали пояса. Поездом с усиленным конвоем куда-то увезли. Уже в январе 1938 года, когда я был на том самом “Морсплаве”, отобранные у заключенных этого этапа вещи разворовывали “урки” и вольнонаемные энкавэдэшники»¹¹.

«...много увозили, слухи ходили, что целую баржу утопили...»¹²

«Ежедневно, а вернее еженощно, кого-то вызывали с вещами, и для нас человек исчезал навсегда»¹³.

«В 1937 году началась кровавая расправа над заключенными. <...> В то время забирали людей (в большинстве с 10-летним сроком), и они “исчезали”. <...> Было лагерникам известно, что людей отводили с усиленной охраной, даже с пулеметами, в сторону Секирной горы»¹⁴.

¹⁰ Чирков Ю.И. А было все так... М.: Политиздат, 1991. С.173–176.

¹¹ Підгайний С. Українська інтелігенція на Соловках (спогади 1933–1941). [Мюнхен]: «Прометей», С.78. Перевел с украинского Н. Соколов.

¹² Фаворский А.Г. Интервью 1990. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

¹³ Чашей В.С. Из воспоминаний. Рукопись. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

¹⁴ Щегольков С.В. Из воспоминаний. Рукопись. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Ирина Флиге
Сандормох: драматургия смыслов

Редакторы — А.Ю. Даниэль, О.Р. Николаев
Корректоры — Е.В. Русакова, Т.М. Моргачева, Д.М. Капитонов
Художественное оформление и верстка — А.Ю. Ходот

В книге приведены фотографии,
сделанные разными авторами и переданные ими
в архив Научно-информационного центра «Мемориал»:
А. Артемьевой, К. Басс, К. Баур, З. Богумил, А. Букаловым,
Э. Вангенгейм, А. Гагариновой, В. Грибовским, А. Дембовской,
Д. Долгополовым, Я. Дроздом, В. Иофе, Е. Исаевым, Н. Киселевой,
Я. Кобрынем, Е. Кондрахиной, Т. Косиновой, Е. Кулаковой,
О. Мисилюком, А. Соло, Е. Уваровым, И. Флиге, Д. Френкелем,
А. Черкасовой, Н. Шкурунок, О. Юрковой.

Подписано в печать 14.06.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13
Тираж 1000 экз. Заказ № 1754

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

«Место памяти обретает самостоятельную логику бытования и развития и, в свою очередь, начинает влиять на общество, его облик обрастает образными и смысловыми дополнениями, а значит, и его биография обогащается новыми коллизиями. Мы теперь довольно много знаем о восьмидесятилетней давности прошлом этого “обычного места для приведения приговоров в исполнение”. Но мы не в состоянии предсказать, каким станет Сандормох в недалеком будущем...»

«Люди вообще могут побеждать, но для этого нужно одно – найти пропавший этап»

Издательство
«Нестор-История»

ISBN 978-5-4469-1564-4

9 785446 915644